

ЛАРИОНОВ И. С. — ПРОКУРОРУ и ПЕШКОВОЙ Е. П.

ЛАРИОНОВ Иосиф Сергеевич, родился в 1876 в Санкт-Петербурге. Служил в Морском военном ведомстве, с 1928 — инспектор и помощник уполномоченного в Управлении Пограничной охраны ОГПУ-НКВД. В ноябре 1932 — арестован по групповому делу, 9 декабря приговорен к 10 годам концлагеря и отправлен в Свирский лагерь. 22 мая 1934 — лагерь заменен ссылкой на тот же срок, переведен в Архангельск.

ЛАРИОНОВА Александра Сергеевна, родилась в 1880-х. Получила начальное образование. Вышла замуж за Иосифа Сергеевича Ларионова; занималась домашним хозяйством. В ноябре 1932 — арестована по групповому делу, 9 декабря приговорена к 3 годам ссылки и отправлена в Кострому.

В апреле 1935 — Иосиф Сергеевич Ларионов, двоюродный брат жены военного судьи М. К. Менде, обратился с заявлением к прокурору при Верховном суде.

<17 апреля 1935>

«Прокурору при Верх<овном> суде
по надзору за органами НКВД

Адм<инистративно> высланного
в Сев<ерный> край Ларионова
Иосифа Сергеевича

Заявление

В 1932 г<оду> в Ленинграде органами ОГПУ был выявлен и задержан некий старик Менде Мих<аил> Конст<антинович>, бывший военный судья, проживавший под фамилией Александрова с целью сокрытия своего бывшего генеральского военного звания.

По этому делу я, состоявший в то время в должности Пом<ощника> Уполномоченного Управления Погр<аничной> охраны П<олномочного> П<редставителя> ОГПУ в Л<енинградском> В<оенном> О<круге> в качестве обвиняемого по ст<атье> 58 п<ункт> 12 УК, т<о> е<сть> по обвинению в укрывательстве вышеуказанного Менде.

9 декабря 1932 г<ода> состоялось решение этого дела (№ 2461-32) и В<ерховный> с<уд> Коллегии ОГПУ в Ленинграде признало меня виновным не по п<ункту> 12 ст<атьи> 58 УК, а по п<ункту> 11 этой статьи и приговорила к заключению в концлагерь сроком на 10 лет, т<о> е<сть> по 11 сентября 1942 г<ода>, а жена моя Ларионова Александра Сергеевна была выслана в Кострому на 3 года.

Пораженный и потрясенный этим жестоким приговором, я тяжело заболел и после 2-х месячного пребывания в тюремной больнице был отвезен 21/II — 33 г<ода> в Свирский лагерь ОГПУ.

Никогда и нигде не участвуя в какой-либо к<онтр>революционной организации или группировке и признавая себя виновным лишь в непростительном для меня, как сотрудника ОГПУ, легкомыслии оказания некоторой материальной помощи голодным старикам, вышеуказанному Менде и его жене Бессоновой, приходившейся мне двоюродной сестрой, помощи, оказанной исключительно из чувства жалости к голодным старым людям, я возбудил ходатайство о пересмотре моего дела, и Коллегия ОГПУ 22 мая 1934 г<ода>, пересмотрев мое дело, во изменении своего прежнего решения постановила заменить мне заключение в концлагерь высылкой в Сев<ерный> край на оставшийся срок.

Я вполне сознаю, что это последнее решение Коллегии ОГПУ

значительно смягчило мою участь, т<ак> к<ак> освободило меня из заключения, но в то же время высылка меня в Сев<ерный> край значительно усугубило мое положение.

К тому времени я оказался уже полным инвалидом и, страдая неизлечимой болезнью сердца, одышкой, полным упадком сердечной деятельности, опухолью ног и лица, был поставлен перед необходимостью все-таки работать, чтобы иметь себе необходимые средства к жизни.

Прибыв в Архангельск, я 2 июля 1934 г<ода> был подвергнут освидетельствованию в Особой врачебной Комиссии, которая, признав мою инвалидность, подвела ее под 2-ю категорию, дающую мне право на досрочно условное освобождение из ссылки, согласно 458 ст<атье> УПК.

Однако, 27 окт<ября> 1934 г<ода> мне в Управлении НКВД по Сев<ерному> краю было объявлено об отказе в моем досрочном освобождении по болезни.

Мое исключительно тяжелое болезненное состояние, сделавшее меня почти неспособным ни к какому труду, особенно усугубилось тем, что моя жена, высланная в Кострому, не могла предпринять никаких мер и оказалась не в состоянии перебраться ко мне в Архангельск, вследствие своего тяжелого заболевания и несомненного в настоящий момент своего психического расстройства, и мы остаемся разлученными без взаимной поддержки и помощи друг другу вот уже в течение почти 3-х лет.

В то же время необходимо обратить внимание на то, что в настоящее время, в связи с происшедшей реорганизацией органов ОГПУ, максимальный срок административной высылки установлен в 5 лет, я же, формально признанный инвалид 2 группы, оставлен в ссылке в Сев. Мое исключительно тяжелое болезненное состояние, сделавшее меня почти неспособным ни к какому труду особенно усугубилось тем, что моя жена, высланная в Кострому, не могла предпринять никаких мер и оказалась не в состоянии перебраться ко мне в Архангельск. Вследствие своего тяжелого заболевания и несомненного в настоящий момент своего психического расстройства, и мы остаемся разлученными без взаимной поддержки и помощи друг другу вот уже в течении почти 3-х лет.

В то же время необходимо обратить внимание на то, что в настоящее время, в связи с происшедшей реорганизацией органов ОГПУ, максимальный срок административной высылки установлен в 5 лет, я же формально признанный инвалид 2 группы оставлен в ссылке в Сев<ерном> краю на срок по 11 Сент<ября> 1942 г<ода>, т<ак> к<ак> естественно до конца этого срока при том состоянии здоровья, в котором нахожусь, я дожить не в состоянии.

На основании вышеизложенного я прошу Вас, признав:

1. Решение Коллегии ОГПУ, переквалифицировавшей мое преступление по п<ункту> 11 ст<атьи> 58 УК без предъявления мне обвинения по этому пункту и тем самым лишившей меня возможности представить в свою защиту имевшиеся в моем распоряжении многочисленные данные о полной своей непричастности к какой-либо к<онтр>революц<ионной> организации, каковой в действительности и не было, — неправильным.

2. Оставление меня на дальнейшую высылку в Сев<ерный> край на срок по 11 Сен<тября>, т<о> е<сть> на 10 лет, при наличии признанной моей инвалидности 2 гр<уппы> и при моей старости. Также неправильным, т<ак> к<ак>, во 1-х, оставление меня при таком моем физическом состоянии в ссылке уже не может служить для моего исправления, а только обрекает на скорую неизбежную гибель и, во 2-х, столь длительный срок моей административной высылки противоречит ныне установленному сокращенному сроку.

3. Положенную мне меру наказания слишком жестокой, не соответствующей моей вине, — принять зависящее с Вашей стороны меры к пересмотру моего дела на предмет, если я остаюсь вне действия ст<атьи> 458 УПК, и не могу получить условного досрочного освобождения, вследствие своей тяжелой болезни и старости, то хотя бы о смягчении моей участи путем замены высылки в Сев<ерный> край на высылку в Кострому для соединения с моей также тяжело больной женой и с сокращением самого срока высылки.

При разрешении настоящего моего ходатайства я прошу Вас учесть:

1. Что ни я, ни жена моя фактически не совершали какого-либо к<онтр>революционного преступления.

2. Замена Сев<ерного> края на Кострому вызывается для меня не улучшением каких-либо жилищных, климатических или др<угих> условий, а только необходимости соединения с тяжело больной женой. И потому высылкой меня в Кострому, раз я изгнан из родного Ленинграда, останется для меня тем же тяжким наказанием.

Представляю нижеследующие о себе данные. Родился я в 1876 году в Ленинграде, сын чертежника, конструктора, прослужившего около 50 л<ет> по вольному найму на работе по Морскому военному судостроению. Имею 40-летний трудовой стаж, из коих последние 7½ в Управлении Погран<ичной> Охраны П<олномочного> П<редставителя> ОГПУ в Л<енинградском> В<оенном> О<круге> в должностях инспектора и Пом<ощника> Уполномоченного не только без всяких замечаний, но, наоборот, с целым рядом служебных поощрений.

И. Ларионов.

17 Апреля 1935 г<ода>.

г<ород> Архангельск, Кузнечиха, Самоедская ул<ица>, д<ом> 27»¹.

В мае 1935 — Иосиф Сергеевич Ларионов обратился за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<17 мая 1935>

«В Комитет по оказанию помощи политзаключенным
Е.П. Пешковой

Адм<инистративно> высланного
в Сев<ерный> край Ларионова
Иосифа Сергеевича.

Заявление

28 апреля с<его> г<ода> мною было отправлено Вам заявление, к которому приложен был дубликат моего заявления, направленного 17 того же Апреля на имя Прокурора при В<ерховном> С<уде> по надзору за органами НКВД о смягчении моей участи путем замены высылки в Сев<ерный> край на высылку в Кострому для соединения с моей высланной туда тяжело больной женой.

8 с<его> мая я получил от Прокурора СССР открытку с извещением, что мое заявление о смягчении меры социальной защиты оставлено без последствий.

По-видимому, это заявление мое по существу прокуратурой даже и не рассматривалось.

До настоящего времени я также не имею сообщения, как разрешено мое заявление на имя НКВД, направленное Вам 22 ноября 1934 г<ода> о

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1311. С. 66-67. Автограф.

досрочном освобождении меня из ссылки по болезни и старости. Как видно из Вашего извещения от 21 апр<еля> с<его> г<ода> за № 2843 обещано запросить о том Управление НКВД по Сев<ерному> краю.

Рассчитывать на благоприятное разрешение этого моего ходатайства в настоящий переживаемый момент, конечно, не приходится, и потому я вынужден вновь просить Вашего содействия и Вашей возможной помощи хотя бы о замене высылки моей в Сев<ерный> край на высылку в Кострому исключительно для соединения с моей тяжело больной женой, для каковой цели и направляю Вам свое заявление на имя НКВД.

Я умоляю Вас, помочь мне в этом, т<ак> к<ак> и я, и жена моя, разлученные с момента ареста, в течение почти 3-х лет остаемся без взаимной поддержки и помощи друг другу, неминуемо подходим к близкой неизбежности, т<ак> к<ак> никаких средств к жизни уже не осталось, а возможность заработка давно уже потеряна.

И. Ларионов.

17 Мая 1935 г<ода>.

г<ород> Архангельск, Кузнечиха, Самоедская ул<ица>, д<ом> 27»².

В октябре 1935 — Иосиф Сергеевич Ларионов вновь просил помощи Екатерины Павловны Пешковой

<9 октября 1935>

«Председателю Комитета помощи политзаключенным
Е. П. Пешковой.

Адм<инистративно> высланного
в Сев<ерный> край Ларионова
Иосифа Сергеевича

Заявление

В ноябре мес<яце> 1934 г<ода> я, согласно Вашему указанию, направил Вам свое заявление на имя НКВД о досрочном своем освобождении из ссылки по болезни и старости.

21 Июня сего года за № 2843 Вы известили меня, что до сих пор не получено еще никакого ответа на это мое заявление.

Затем в апреле и мае месяцах сего года я вновь просил Вашего содействия и помощи в моих ходатайствах о пересмотре моего дела и о замене высылки в Сев<ерный> край на высылку в г<ород> Кострому для соединения с моей тяжело больной женой, высланной туда из Ленинграда, для каковой цели и направил Вам 2 новых заявления.

21/VI с<его> г<ода> и 26/VII с<его> г<ода> за № 2843 Вы сообщили мне, что эти заявления направлены на заключение Управления НКВД по Ленинградской области и по получении ответа, который можно ожидать месяца через 2, результат будет мне сообщен.

До настоящего времени я ни на одно из этих своих заявлений окончательного ответа так и не получил, несмотря на то, что со дня подачи первого заявления истекает уже скоро год, а со времени подачи последних двух — прошло уже 5 месяцев.

Как Вам известно, я Врачебной Комиссией признан инвалидом 2 гр<уппы>. В настоящее время состояние моего здоровья сильно ухудшилось. Кроме постоянных опухолей ног я хожу уже с распухшим лицом, т<ак> к<ак> сердце совершенно отказывается работать.

Я прошу Вас известить меня, на что я могу рассчитывать.

Неужели я не могу получить даже соединения с моей женой,

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1311. С. 73. Автограф.

высланной в Кострому, и почему все мои заявления, направленные Вам с мольбой о помощи, оставлены даже без ответа.

Кому и для чего нужна эта жестокость и несправедливость, допускаемые в отношении человека, не совершившего никакого преступления.

Еще раз прошу Вашей помощи и ответа.

Ларионов.

9 октября 1935 г<ода>.

Архангельск, Кузнечиха, Пионерская ул<ица>, д<ом> 27»³.

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1311. С. 69-70. Автограф.